

ДЕЯТЕЛЬНАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ЛЮБОВЬ И ИДЕЯ «СПАСЕНИЯ В МИРУ» В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Иштван Феринц

(Ferincz István, Szeged)

Известно, что Киевское государство раннефеодального характера сложилось в условиях распада родового строя в борьбе с остатками родовых отношений и в борьбе с остатками языческого мировосприятия. Язычество восточнославянских племен с его многобожием и разнoboжием, с разнообразием культов и обрядов, вполне соответствовавшее родовой разобщенности, являлось, однако, помехой делу государственного объединения племен. Киевское государство нуждалось в единой для всех племен религии и в едином общеплеменном культе. Эта потребность была удовлетворена принятием Владимиром христианства от Византии.

Крестившись в 988 году, русские выбрали христианскую религию, которая требует не просто веры в Бога, но деятельной веры, ибо вера без дел не может спасти человека, как сказал апостол Иаков, «вера без дел мертва», вера содействует делам, которыми вера достигает совершенства, итак: «человек оправдывается делами, а не верою только» (Иак. 2:20,22,24). Поэтому высшим духовным идеалом для христианина – помимо аскетизма – служила деятельная святость.

То нравственное настроение, которое овладело обращенным от язычества Владимиром свидетельствует об этом. Сразу после крещения – по словам летописца – Владимир говорит: *Христос Бог, сотворивший небо и землю! Взгляни на новых людей этих и [...] утверди в них правильную и неуклонную веру, и мне помоги, господи, против дьявола, да одолею козни его, надеясь на тебя и на твою силу. И сказав это, приказал рубить церкви и ставить их по тем местам, где прежде стояли кумиры.*¹

Иларион – первый митрополит из русских (1051–54), в своем *Слове о Законе и Благодати*, составленном между 1037 и 1050 годами, внушает Владимиру ту же мысль деятельной христианской любви, особый акцент делая на милосердии, на милости: *...не оставляй в ушах только сказанное, но делом исполни слышанное: просящим подай, нагих одень, жаждущих и голодных накорми, больным пошли всякое утешение, должников искути, рабов освободи.*² Заботы Владимира о бедных и недужных, миролюбие по отноше-

¹ *Повесть временных лет* // Памятники литературы Древней Руси XI – начало XII века. М., 1978. 133.

² Иларион. *Слово о Законе и Благодати* // Красноречие Древней Руси. М., 1987. 54.

нию к европейским соседям, отвращение от жестоких казней, о чем сообщается в *Повести временных лет*, все это было вполне христианским.

Подобные чувства и взгляды были высказаны Владимиром Мономахом сто с лишним лет спустя в его *Поучении*. Правда, Владимир Мономах подчеркивает важность аскетизма, т. е. усилия воли для совершения различных благочестивых подвигов, но он не останавливается на этом, он считает, что выше аскетизма христианство деятельное. Мономах предлагает сыновьям спасаться, оставаясь в миру: *Научившись, верующий человек, быть благочестию свершителем, [...] побуждая себя на добрые дела, господа ради, лишаемый – не мсти, ненавидимый – люби, гонимый – терпи, хулимый – молчи, умертви грех. Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу.*³ Владимир Мономах как жизнелюбивый человек, энергичный князь не рекомендует своим детям спасать свою душу в монастыре, т. е. идти в монахи. Он не хочет, чтобы люди думали, что только в монастыре, и исключительно одними тяжелыми монашескими подвигами можно Богу угодить и спастись. В своем *Поучении* Мономах пишет, что тремя добрыми делами – *покаянием, слезами и милостынею*⁴ – можно избавиться от грехов и царствия небесного не лишиться, другими словами, спасение возможно и в миру, а не только в монастыре. Важность этой мысли подчеркивают нижеследующие сроки в *Поучении*, когда Владимир Мономах так обращается к детям: *Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.*⁵

Жития, сохраняющие память о подвигах необыкновенных людей, «избранников» божьих, преследуют две цели: прославить святого и дать назидательное чтение, и через их подвиги моральную силу для подражания им. Первые жития, созданные на Руси во второй половине XI века (*Житие Феодосия Печерского* и два варианта *Жития Бориса и Глеба*), определяют две главные группы житийных сюжетов. Борис и Глебу, любимым сыновьям Владимира Святославича, ставшими первыми представителями у русских перед Богом, посвящены два произведения: *Сказание* и *Чтение* о погублении Бориса и Глеба. Автор *Сказания о Борисе и Глебе*⁶ неизвестен, а *Чтение о житии и погублении... Бориса и Глеба* написано монахом Нестором. *Сказание* и *Чтение* о погублении Бориса и Глеба являются образцами мартирия, рассказа о святом мученике. Герои этой группы житий стремятся обосно-

³ *Поучение Владимира Мономаха* // Памятники литературы Древней Руси XI – начало XII века. М., 1978. 397.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Текст *Сказания* читается в кн.: Памятники литературы Древней Руси XI – начало XII века. М., 1978. 279–305; *Житие Феодосия Печерского* в той же книге, 305–393.

вать своим поведением не только общехристианский, но и феодальный идеал покорности младших князей старшим. *Житие Феодосия Печерского*, написанное также Нестором, относится к типу житий, которые были «целиком посвящены теме идеального христианского героя, ушедшего из „мирской” жизни, чтобы подвигами заслужить жизнь „вечную”».⁷

Житие Феодосия Печерского, однако, выгодно отличается от *Чтения* богатством фактического материала из жизни Феодосия, оттого образ преподобного получился живым и ярким. С одной стороны, аскетизм становится господствующей чертой характера Феодосия, определяющей его поведение, а с другой – после смерти Антония, когда Феодосий был поставлен игуменом Печерского монастыря, он строит церковь и вводит в монастыре устав Студийского Константинопольского монастыря, запрещающий частную собственность у монахов, и цели монастыря были благотворительные и образовательные. Монахи этого первого древнерусского монастыря должны были трудиться. Сам Феодосий подавал пример: колот дрова, носил воду, ухаживал за больными и т. д. В монастыре, тогда еще очень бедном, находили стол и кров бедные и убогие. Но, кроме того, здесь собирались и переписывались рукописи, здесь велись летописи. И монастырь, и игумен его пользовались общим уважением и князей, и простых людей. Как видим, *Житие Феодосия Печерского* любопытное произведение в литературном отношении. Если влияние канонических житий и сказалось на нем, то оно, тем не менее, выгодно отличается от них во многом: здесь нет того пристрастия к видениям, чудесам, нет крайностей мистицизма и навязчивой тенденции поучать. Перед нами, так сказать, бытовая, правдивая, безхитростная повесть о жизни и подвигах Феодосия и о жизни первого русского монастыря.

Итак, пути, ведущие к царству небесному, к конечной цели человека-христианина предполагают христианство деятельное, веру, содействующую христианским добродетелям, но осуществление такой жизни, по свидетельству древнейших памятников древнерусской письменности, одним казалось возможным (исключительно или прежде всего) в монастырях, а другим в практике христианской добродетельной святости в миру.

Этот идеал рисуется и в *Домострое*, но по сравнению *Поучением Владимира Мономаха* можно заметить разницу. В то время, как Мономах выдвигал на первое место христианство деятельное, – не пост, и не монашество, а добрые дела, молитву и покаяние – *Домострой*, по видимому, добрые дела относит только к разряду деяний, которых требует «приличие», внешнее благочестие; о покаянии он не говорит ничего, а на молитву смотрит прежде всего с внешней стороны. В некотором смысле *Поучение Владимира Мономаха* было тоже своего рода, «домостроем» Киевской Руси, но

⁷ В. П. Адрианова-Перетц. *Сюжетное повествование в житийных памятниках XI–XIII вв.* // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. 91.

Владимир Мономах гораздо искреннее смотрел на людские отношения и больше верил в искренность этих отношений, чем люди XVI века. Известно, Мономах своим примером доказывает, что готов пожертвовать собственными интересами за правду, за интересы родной земли.

Мысль о «спасении в миру», – не в подвижничестве, а в семье, в родственной любви, в кротости и благочестии – приобретает большое значение в первой половине XVII века, после Смуты. Этой идеей одушевлялась деятельность «боголюбцев» в 30-х и 40-х гг. «Боголюбцы» выдвинули программу оцерковления жизни и воцерковления человека. Идея программы оцерковления жизни имела большой успех при дворе в конце 40-х – в начале 50-х гг. XVII в., но целью программы оцерковления жизни, как писал А. М. Панченко, явилось противостояние набиравшей силу секуляризации во всех сферах жизни.⁸

Появляются первые опыты биографии частного человека. Авторы этих произведений еще пишут с оглядкой на житийный канон, однако этот канон решительно трансформируется. Осознание человеческой личности само по себе приводит к разветвлению жанра жития. С одной стороны в произведениях наблюдается как бы отказ от биографизма, усиление бытовых деталей и сюжетных подробностей. Эта линия развития ведет к бытовым повестям и авантурным новеллам. В других же произведениях наблюдается подчеркнутый биографизм, выделение одной центральной фигуры и подробное описание ее судьбы, подвигов, ее переживаний, ее внутреннего мира. Наглядный пример этой последней линии трансформации жанра – *Повесть об Ульянии Осорьинной*⁹ (или по-другому: *Житие Юлиании Лазаревской*), созданная в период между 1620 и 1630 гг. ее сыном Дружиной Осорьиным.

Юлиания росла вдалеке от церкви, в ее ушах не звучали ежечасно слова *Священного писания*, проповеди и молитвословия. Она глубоко религиозна, но ее религиозность питалась домашним «благоверием и чистотой», собственным ее «смыслом благим» она была «наставляема нраву добродетельному»¹⁰ и находила себе выражение в «домовной молитве». В Юлиании мы не замечаем стремления удалиться от мирской жизни, ее нисколько не тяготит жизнь в миру, в семье, она любит домашнее хозяйство, является усердной рукодельницей, без принуждения и без ропота выходит замуж. Серьезным отношением к обязанностям жены, матери и хозяйки она приоб-

⁸ Об этом подробнее см. А. М. Панченко. *Русская культура в канун петровских реформ*. Л., 1984. 107–109.

⁹ Текст *Повести об Ульянии Осорьинной* опубликован в кн.: Памятники литературы Древней Руси XVII в. Книга первая. М., 1988. 98–104. Цитаты приводятся по этому изданию. Вторая редакция, с многочисленными цитатами из *Священного писания* опубликована Ф. И. Буслаевым, который высоко оценил повесть. См. Ф. И. Буслаев. *О литературе // Исследования; Статьи*. Составление, вступительная статья, примечания Э. Л. Афанасьева. М., 1990. 275–288.

¹⁰ *Памятники литературы Древней Руси XVII в.* Книга первая. М., 1988. 99.

ретае общее уважение всех домашних. Юлиания считает, что управлять домашним хозяйством — богоугодное дело. Даже овдовев и вырастив детей, достигнув глубокой старости, она не покинула мирскую жизнь ради монашества. Она и сама смущается этим и не находит этому другого объяснения, кроме ссылки на божье изволение. Ей трудно понять, как это случилось, что ее стремление к богоугодной жизни нашло себе удовлетворение не в монастырской обители, а в «домовном строении».

В облике этой праведницы до ее старости не заметно и особого усердия к посещению церковных богослужений. Достаточно суровой погоды на дворе или отдаленности храма от ее местожительства, чтобы она отказалась от посещения церкви. У Юлиании появляется мысль, что и в миру можно вести столь же праведный образ жизни, как в монастырской обители. В XVII в. эти настроения овладевают все полнее общественным сознанием. Юлиания не считает обязательным условием праведной жизни уход от мира в монастырскую обитель и не пылает той неутолимой жадной стать на путь отшельничества, какой пылал, например, Феодосий Печерский.

Воспитанная в духе феодальной набожности, глубоко и всерьез принявшая идеал христианской подвижнической жизни, она хочет осуществить его в условиях обыденной мирской жизни в отличие от окружающих ее формально набожных людей, ограничивающих свою набожность соблюдением церковной обрядности.

Правда, черты аскетизма занимают в ней все еще заметное, но далеко не господствующее место. Упор делается на самоотверженную заботу о людях, о ближних. Не аскетическим презрением к радостям мирской жизни определяется подвижнический путь Юлиании, а предельно напряженным состраданием человеческому горю, неутомимой жадной прийти на помощь всем страждущим и обездоленным.

Взгляды Юлиании и практика ее жизни находились в глубоком противоречии с интересами боярского дома, и ей приходится хитрить. Скрытно, таясь от свекра и свекрови, ведет Юлиания свою линию, направляя богатства на деятельную помощь голодающим. Когда же они умерли, став самостоятельной хозяйкой дома, она бросила все ресурсы этого дома на помощь жертвам общественных неурядиц и экономического разорения.

Шествуя избранным ею путем, Юлиания доходит до конечного истощения всех ресурсов своего домашнего хозяйства. Юлианию не смущает объективно плачевный результат ее усилий, она следует внутреннему приказу любви к ближним. Ей доставляет глубокое удовлетворение и радость, что она сделала все, что могла, для страдающих от общественных неурядиц людей. Она чувствует себя правой перед Богом и людьми, совесть ее спокойна, и с ясной душой она заканчивает свой жизненный путь. Юлиания возвышается над окружающим ее миром исключительной чистотой нравственного облика, отличается нежностью и теплотой чувства, восторжен-

ною набожностью и преданностью своему долгу и обязанностям. Это человек, в полном смысле слова добрый, вызывающий глубокую к себе симпатию.¹¹

Практика ее подвижничества производит впечатление незаурядной нравственной силы. Однако, как ни старалась она путем кротости и мягкости во взаимоотношениях с окружающими избавить свой дом от острых столкновений между домочадцами, ей не удалось создать атмосферу мира и согласия в семье.

Воспитанная «во всяком благоверии и чистоте», в традициях феодального благочестия, она объясняет бедственное состояние общественной действительности «божьем гневом», постигнувшим Русскую землю за «грехи». Она не в состоянии понять, что наблюдаемые ею бедствия вызваны не упадком «благоверия», а крушением старых устоев феодального строя. Ею руководит самоотверженное служение благу ближних, даже если ее героические, подлинно подвижнические усилия объективно были бесплодны.

И все же следует признать, что Юлиания в окружающем ее обществе занимает место среди лучших людей своего времени. Ей чужд социальный консерватизм богатых, их корыстолюбие и обывательское равнодушие в условиях социального кризиса. Если она и не нашла дорогу, которая вела к выходу из переживаемого обществом кризиса, существенно важным был самый факт исканий, тревоживших общественную совесть призывом не оставаться безучастным свидетелем общественных зол.

Юлиания Лазаревская – мирская подвижница. Естественно, что воплощение этого характера в литературном образе привело к созданию совершенно новой формы житийного жанра, промежуточной формы бытового жития или житийно-бытовой повести. Жизнь Юлиании не в монастыре, а в обстановке деловых, хозяйственных забот не укладывалась в привычные композиционные формы и фразеологию жития. Поэтому традиционная форма церковно-житийной литературы оказалась непригодной для изображения ее характера и подверглась коренной переработке.

В составе этого *Жития* удержались только картины мистических видений, которые обычно были представлены в большом количестве на страницах произведений житийного жанра. Для Юлиании, считавшей, что причиной всех потрясавших ее душу мрачных событий семейной и общественной жизни является «ненавидящий добро враг», бес, этот бес стал навязчивым образом, грезившимся ей во сне и наяву. Он становится предметом нагоняющих на нее страх видений, изображение которых становится красочным компонентом в составе *Жития*.

¹¹ Ее умилительный образ во многих отношениях сроден образу Лизы Калитиной из *Дворянского гнезда* И. С. Тургенева. Тут перед нами уже не святые, а праведные люди, устоявшие среди соблазнов мирской жизни.

Следует к этому добавить, что бес ее видений в отличие от беса видений церковно-житийной литературы смущает ее не соблазнами удовольствий мирской жизни, а угрозами лишить ее возможности оказывать помощь обездоленным людям. Юлиания, как и все подвижники борется с бесами, но для нее бороться с ними значит бороться с голодом и другими причиняемыми бесом невгодами общественной жизни, и это качественно совершенно новое демоноборчество. Картины видений Юлиании врастают в быт, сливаются с окружающим героиню бытовым фоном, на котором рисуется ее образ. За образом Юлиании мелькают бытовые фигуры ее родителей, которые *живяста во всем благоверии и чистоте, и имяста сына и дщери и много богатства*,¹² и ее двоюродных сестер, осмеивающих ее за нежелание разделять с ними веселое времяпровождение; свекра и свекрови, тайком от которых она практикует свое подвижничество; мужа, постоянно пребывающего в разъездах по делам службы. Все это не образы в собственном смысле слова, не живущие самостоятельной жизнью характеры, а лишь аксессуары образа героини *Жития*.

Особо следует остановиться на образе повествователя. Это не инок, обычно выполнявший функцию повествователя в житиях. Создать художественно полноценный образ мирской подвижницы мог только человек, которому был вполне понятен ее внутренний мир, который мог говорить о ней ее языком. Повествователем *Жития Юлиании* является один из ее сыновей: Каллистрат Осорьин, рассказывающий о ней языком домашнего обихода и деловой практики людей служилого круга общества.

Язык *Жития Юлиании* – строго деловой, протокольно точный, в котором лучше всего находил себе выражение характер буднично простой, погруженной в заботы деловой жизни сердобольной хозяйки, превратившей свою хозяйственную деятельность в подвиг милосердия мирской праведницы.

¹² Памятники литературы Древней Руси XVII в. 98.